

Елизавета Николаевна Водовозова

Из недавнего прошлого

Елизавета Водовозова

Из недавнего прошлого

«Public Domain»

1915

Водовозова Е. Н.

Из недавнего прошлого / Е. Н. Водовозова — «Public Domain»,
1915

«В 1887 году, в феврале был арестован мой сын, Василий Васильевич Водовозов, в то время студент третьего курса юридического факультета Петербургского университета. За час или полчаса до обыска горничная подала мне визитную карточку, на которой значилось: „Действительный статский советник П. К. З-ский“...»

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Елизавета Водовозова

Из недавнего прошлого

I

В 1887 году, в феврале был арестован мой сын, Василий Васильевич Водовозов, в то время студент третьего курса юридического факультета Петербургского университета. За час или полчаса до обыска горничная подала мне визитную карточку, на которой значилось: «Действительный статский советник П. К. З-ский».

Ко мне вошел господин небольшого роста, по наружности далеко за пятьдесят лет. По его словам, он только что приехал из Москвы, чтобы просить меня и еще двух-трех издателей перевести наши издания в Москву и передать ему все хлопоты по этим делам. Желание посвятить свою жизнь книжному делу и заставило его явиться ко мне. Я не стала расспрашивать его об условиях и заявила ему, что для меня это совершенно немыслимо: помещения, как для книжного склада, так и для моей квартиры, наняты по долгосрочному контракту, и я совершенно не могу воспользоваться его предложением. Но он продолжал настаивать и развивать свой проект, а в конце концов просил меня давать ему мои книги хотя на комиссию. Тут я предложила ему чаю, и на стол, у которого мы сидели, нам поставили чайный прибор.

В то время когда мы вели нашу беседу, вдруг дверь отворилась и в комнату, без доклада горничной, вошел господин очень высокого роста в военной форме. Будучи крайне близорукою и имея одного близкого знакомого из военных, жившего в то время далеко от Петербурга, я подумала, что это он, и с радостью пошла ему навстречу. Каково же было мое удивление, когда я увидела перед собой полицейского пристава.

– Мне поручено сделать обыск в вашей квартире, – произнес он и, видимо, хотел еще что-то прибавить, но в ту же минуту к нему подлетел действительный статский советник и, суетливо-нервно впихивая ему в руки свою визитную карточку, торопливо заговорил:

– Я знать не знаю госпожу Водовозову... Заходил к ней только на одну минутку навести справку. А теперь крайне тороплюсь на поезд Николаевской железной дороги. Из моей карточки вы узнаете мой адрес.

Полицейский пристав загородил ему дорогу и, указывая на чайный прибор, сказал:

– Как же это так, ваше превосходительство! Вы, видимо, только что благодушевствовали за чайным столиком, и вдруг «знать не знаю»! Должен предупредить вас, ваше превосходительство, что я имею право задерживать всех, кто находится или входит в квартиру в момент обыска. Да мне кажется, что и вы сами не пожелаете оставить даму одну в столь неприятную для нее минуту. А я знаю, что госпожа Водовозова одна в доме: в третьем этаже у нее идет обыск, а сейчас он начнется и здесь. Ведь вы же можете быть ей полезны вашим присутствием при обыске и при составлении протокола, наблюдая за правильным действием полиции.

– Ничем я не могу быть полезен человеку, которого я совершенно не знаю и никогда в жизни не видал. К тому же я должен моментально ехать на поезд...

– Вот как! Пользоваться радушным приемом (он опять указал на чайный прибор) незнакомой дамы возможно, а оказать ей услугу в затруднительную минуту вы, ваше превосходительство, считаете невозможным? К тому же поезд первого и второго классов в Москву (он вынул свои часы) уже отошел, – теперь три с половиной часа.

– Но я решительно не могу здесь оставаться ни минуты. Я навел маленькую справочку, а затем у меня нет с госпожою Водовозовою решительно никаких дел. Я же ясно сказал вам, что я незнаком с ней... Вы ведь видите, что я не прячусь: я дал вам свой московский адрес. Можете вызывать меня когда угодно: я не отлыниваю, но теперь ухожу...

И он двинулся к двери, в двух шагах от которой стоял пристав.

– Позвольте, позвольте, ваше превосходительство... не извольте торопиться. Остаться вам или нет во время обыска, я отдаю всецело на решение госпожи Водовозовой: если она находит бесполезным ваше присутствие – можете уйти, если же она пожелает – вы должны будете остаться.

– Пожалуйста, отпустите господина З., – обратилась я к полицейскому приставу. – Он действительно приезжал ко мне только по делу и видел меня сегодня в первый раз в жизни. Я вовсе не желаю задерживать его при обыске.

– Можете, можете уходить, ваше превосходительство... Да-с: его превосходительство настоящий рыцарь! – произнес пристав, усаживаясь на стул. Не знаю, слышал ли последние слова действительный статский советник, так как он на ходу, крайне торопливо надевал пальто и, не застегиваясь, буквально выскочил из двери как ошпаренный. Только что захлопнулась за ним дверь, как до нас донесся отчаянный крик с лестницы.

– Ха-ха-ха... да ведь это молодцы задержали его превосходительство! – хохотал пристав и, вскочив, побежал в переднюю, раскрыл дверь и закричал полицейским, чтобы они пропустили г-на З-го.

Каждое слово, каждая фраза, обращенная приставом к действительному статскому советнику, дышали иронией. Но я не осуждала этого насмерть перетрусившего человека. В те сравнительно недавние времена обыски и аресты не были еще в такой степени бытовым явлением, какими они сделались позже, и тогда немало было людей весьма интеллигентных, которые смотрели на них с превеликим страхом, остерегались входить в сношения с людьми, близко стоявшими к потерпевшим такую аварию; громадное же большинство русского общества смотрело в таких случаях на всех членов семьи арестованного как на отмеченных печатью Каина.

Пристав, прежде чем приступить к обыску, задал мне несколько вопросов. Почему моя квартира, состоящая лишь из немногих комнат, находится в двух этажах? Почему моя другая квартира, во дворе, замкнута? Если в ней всего одна комната и сложены мои издания, то почему же они не находятся в одном помещении? Просил меня назвать всех членов моей семьи и всех служащих у меня.

Все мои ответы, видимо, казались ему удовлетворительными, если об этом судить по тому, что он не возвращался к ним снова. Но и у него, и у всех других, когда меня подвергали формальным допросам, возбуждала крайнее подозрение моя квартира, расположенная в двух этажах. Между тем это было простою случайностью и не носило и тени чего-нибудь конспиративного или подозрительного.

– Согласитесь, что квартир в Петербурге в пять-шесть комнат сколько угодно. Почему же вам пришлось устроиться в двух этажах? Наконец, если вы решили поместиться в двух этажах, зачем же вам было пробивать пол и проводить внутреннюю лестницу? Все это, вероятно, было хлопотно и дорого?

– И даже весьма неудобно для меня по несколько раз в день спускаться и подниматься по лестнице, – добавила я. – Но еще неудобнее было бы для меня нанять квартиру далеко от моего книжного склада. К тому же я нигде в этой местности не находила такой хорошей и сравнительно дешевой квартиры, как эта.

– Думаю, что такие доводы не будут сочтены достаточно мотивированными, – сказал пристав, пожимая плечами, как будто желая заставить меня серьезно подумать об этом.

Когда увозили моего сына и жандарм, делавший у него обыск в третьем этаже, понятые и дворники выходили из квартиры, я подошла к приставу, который стоял в сторонке, и спросила его, по какой причине был сделан этот обыск, почему арестован мой сын и куда везут его теперь.

– Нас известили, что в мастерскую госпожи Кармалиной отдан в брошюровку перевод Туна «История революционного движения в России», книги у нас недозволенной. Затем мы узнали, что литографированные листы этого перевода были доставлены в брошюровочную

вашим сыном¹. Теперь его везут для дачи первых показаний, а куда посадят, не знаю, но вы можете об этом справиться завтра в жандармском управлении.

Я не сумела оценить тогда этот, хотя и осторожный, но неуклончивый ответ пристава, но скоро убедилась, что, прежде чем добиться самой законной справки об арестованном, приходится терять много времени, бегая то туда, то сюда, и нередко испытать множество кривляний и издевательств лиц, заведующих подобными делами.

На другой день обыска, рано утром, мне сказали, что меня желает видеть Клеопатра Федоровна Кармалина, с которой я уже давно была знакома. В продолжение многих лет она исполняла секретарские обязанности в журнале «Русская старина», получала по тогдашнему времени большое вознаграждение, а затем открыла свою собственную маленькую брошюровочную. Это была женщина уже не молодая, с очень некрасивым лицом красно-кирпичного цвета, весьма неглупая и остроумная, но с превеликими странностями. Иногда она приходила к нам одетая буквально как рыночная торговка, в заплатанном пальто и в истрепанном платье, нескладно висевшем на ней, а однажды в морозный день утром пришла в легком платье канареечного цвета с глубоким вырезом на груди. При этом объяснила, что она так разоделась потому, что в редакции грозят ее прогнать, если она не будет прилично одеваться. Когда ей заметили у нас, что едва ли удобно носить светлое и легкое платье зимою, да еще в конторе, где ей постоянно приходится возиться с пыльными книгами и тетрадями, ей только тут пришло в голову, что это действительно не совсем удобно. «Но откуда же взять денег на новое платье?» – говорила она, объясняя нам, что у нее страсть, от которой она никак не может избавиться. Эта страсть зачастую заставляет ее тратить все заработанные деньги на безделушки, которые так привлекают ее в окна магазинов, а затем оказываются для нее вовсе не нужными. Дорого ей обходится и содержание огромной собаки, которая ночью всегда лежит на постели у ее ног, так как занятия в редакции не позволяют ей проводить с «любимым существом» достаточно времени. Она не имеет ни одного друга, ни одного близкого человека ни среди своих знакомых, ни среди родных, – собака ее единственный друг, и она любит ее больше всего на свете.

И вот эта-то женщина, которая, как нетрудно было догадаться, и выдала моего сына, теперь подымалась ко мне по внутренней лестнице из третьего этажа. Она еще не успела взобраться наверх, как я, стоя на площадке четвертого этажа, просила ее не подыматься выше, а только сказать мне, как она может объяснить то, что сын мой арестован, а она на свободе.

Смущаясь и путаясь, она не прямо отвечала на мой вопрос, но из сказанного ею ясно было, что она с неделю тому назад поссорилась с одним из рабочих своей мастерской и рассчитала его. Обозленный отказом рабочий поклялся отомстить ей, вот он и донес, что в ее брошюровочной находится недозволенная книга. У нее вчера утром сделали обыск и отобрали все листы, отданные моим сыном в брошюровку.

– Но ведь рабочий, вероятно, не знал моего сына? У вас отобрали листы или книги, на которых не было выставлено ни фамилии переводчика, ни издателя, вы остались целы и невредимы, а мой сын арестован... Кто же выдал его?

Она опять начала что-то плести, беспрестанно повторяя одну и ту же фразу:

– Ведь я же ничего не понимаю в политике!

Меня это наконец вывело из терпения, и я прервала ее разглагольствования словами:

– Меня не интересуют ваши политические воззрения. Мне необходимо знать, и вы нравственно обязаны сказать мне: вы ли выдали моего сына и предупреждал ли он вас о том, какие книги он отдавал вам брошюровать, а также закрыта ли в данную минуту ваша брошюровочная.

¹ Книга немецкого проф. Туна, существующая теперь на русском языке в нескольких переводах, считалась в то время недозволенной. В сотрудничестве с несколькими лицами мой сын перевел эту книгу, снабдил ее примечаниями и приложениями. Этот перевод не был им напечатан, а лишь литографирован в небольшом количестве экземпляров. (Примеч. Е. Н. Водовозовой.)

– Бога ради, не сердитесь! Вы сами увидите, что я не виновата... Я вам расскажу все по порядку. Утром вчера ко мне нагрянула полиция и сейчас же нашла книги, – рабочий все им указал. А пристав нашего участка начал на меня кричать, топтать ногами и все тыкался: «ты» да «ты», точно я простая баба: «Ну, ты, собирайся!» – орет он во все горло. Я уж и пальтишко накинула, к двери прижалась, д\$ в эту минуту мой песик выскочил из-за перегородки и бросился на пристава, так тот даже оторопел, а затем стал орать на меня еще пуще прежнего. «Уйми, говорит, старая дура, свою собаку!» Я песика унимаю, а пристав меня, ей-богу не вру, самыми непечатными словами, как горохом, осыпает. И вдруг свой кулачище в мое лицо как сунет, ногами топает, а сам кричит: «Сейчас говори, сволочь, кто эти листы тебе приносил?» Как же было не сказать? Я и сказала. Что же тут такого? Не могла же я дать ему избить меня до полусмерти? И сколько я неприятностей из-за всего этого вынесла: вхожу в мастерскую, а рабочие меня на чем свет бранят, в голос кричат: «Такое обхождение вы по заслугам получили: выдали студента, да и одеваетесь хуже последней судомойки!.. Вас и за хозяйку-то никто не почитает!»

– Скажите же мне наконец, говорил ли вам мой сын, какого сорта книги он вам отдавал в брошюровку?

– Да, говорил, что-то про цензуру и про политику, а я ведь ни в цензуре, ни в политике ничего не смыслю...

– Вы работали несколько лет в редакции журнала, теперь имеете свою брошюровочную – и ничего не понимаете в этих делах! Какой вы вздор несете! Все это вы прекрасно знаете и даже сумели сообразить, что за донос вы можете остаться на свободе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.